

АЛЕКСАНДР ЛАНДАУ

Д Е

ГОЛЛЬ

*История Франции
1940 – 1969*

 FOLIO

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ-РУ

2017

Содержание

- 5   *Глава 1*
      ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ
- 19   *Глава 2*
      ВОЙНА: МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ
- 29   *Глава 3*
      **СЛУЖБА В МИРНОЕ ВРЕМЯ:
      УСПЕХИ И РАЗОЧАРОВАНИЯ**
- 51   *Глава 4*
      ПРИБОЩЕНИЕ К ПОЛИТИКЕ
- 90   *Глава 5*
      НА ПУТИ К КАТАСТРОФЕ
- 133 *Глава 6*
      КАПИТУЛЯЦИЯ

- 173 *Глава 7*
РОЖДЕНИЕ «СВОБОДНОЙ ФРАНЦИИ»
- 216 *Глава 8*
«СВОБОДНАЯ ФРАНЦИЯ» СРАЖАЕТСЯ
- 295 *Глава 9*
ОСВОБОЖДЕНИЕ ФРАНЦИИ
- 357 *Глава 10*
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАБОТЫ ГЕНЕРАЛА
- 410 *Глава 11*
ФРАНЦИЯ БЕЗ ДЕ ГОЛЛЯ. 1946–1958
- 466 *Глава 12*
**ВО ГЛАВЕ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ.
АЛЖИРСКАЯ ПРОБЛЕМА**
- 502 *Глава 13*
БУРНОЕ МОРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
- 540 *Глава 14*
ЗАКАТ КАРЬЕРЫ

Глава 1

Детство и юность

Шарль Андре Жозеф Мари де Голль родился в городе Лилле, на северо-востоке Франции (недалеко от границы с Бельгией) 22 ноября 1890 года. Хотя вся семья де Голлей уже лет полтора к тому времени жила в Париже, его мать Жанна, урожденная Майо, давала жизнь своим детям исключительно в Лилле, в доме своей матери — там же родились три брата Шарля (он был вторым по старшинству) и его единственная сестра.

Семья не могла похвастать особой знатностью, но принадлежала к весьма старинному дворянскому роду: один из предков по линии отца, как явствует из сохранившихся документов, уже в начале XV века был рыцарем и сражался при Азенкуре. Тогда гордые и недисциплинированные французские рыцари были наголову разбиты английскими простолюдинами-йоменами, вооруженными мощными дальнобойными луками. Эта битва 1415 года ознаменовала закат рыцарства, которое более семисот лет являлось главной ударной силой во всех сражениях Средних веков. Но важно

Главная площадь города Лилль, 1880 год.

отметить, что Жан де Голль и в этой плачевной ситуации проявил характерные для своего рода качества — верность своему слову и своему королю (понятие патриотизма тогда, во времена феодальной раздробленности, еще не существовало). Он был опытным и умелым воином, и английский король, в очередной раз захвативший Нормандию, пригласил Жана на службу. Рыцарь не пожелал сотрудничать с врагами Франции, за что был лишен своих поместий (владения рода находились тогда в Нормандии). Правда, военная удача переменчива, и через некоторое время французский король оценил преданность рыцаря, пожаловав ему поместье в Бургундии. Шли века, потомки воинственных рыцарей посвятили себя более современным мирным занятиям. Они в столице писали книги, проводили научные исследования, служили королю в различных гражданских учреждениях. Например, бабушка Шарля, мать его отца Анри де Голля, написала немало романов и несколько исторических трудов. Впрочем, на каком бы поприще ни подвизались де Голли, два качества были неизменно им свойственны, переходя из

поколения в поколение: глубокая религиозность и столь же глубокий патриотизм, почти фанатичная вера в особую роль, которую призвана играть Франции.

Этими чертами в полной мере был наделен и отец Шарля, преподаватель философии и литературы в Парижском иезуитском коллеже. Он не уставал говорить своим сыновьям:

— Франция — страна, избранная Господом Богом, ибо через нее Он вершит многие дивные дела свои. Поэтому служить Франции значит служить Богу и всему христианскому миру, снискать уважение и почет в жизни брэнной и заслужить жизнь вечную в селениях праведных.

Впрочем, Анри де Голль отличался не только начитанностью и глубокой религиозностью, но и сам участвовал в исторических событиях. В качестве офицера императорской гвардии он участвовал в неудачной для Франции войне 1870 года с Пруссией и получил медаль за проявленную в боях храбрость. Мать будущего генерала и политика происходила из семьи преуспевающих буржуа города Кале, не уступавших, однако, потомкам аристократов ни в набожности, ни в благородном патриотизме. Позднее в своих «Военных мемуарах» де Голль напишет об этом так: «Отец мой, человек образованный и мыслящий, воспитанный в определенных традициях, был преисполнен веры в высокую миссию Франции. Он впервые познакомил меня с ее историей. Моя мать питала к родине чувство беспредельной любви, которое можно сравнить лишь с ее набожностью. Мои три брата, сестра, я сам — все мы гордились своей родной страной. Эта гордость, к которой примешивалось чувство тревоги за ее судьбы, стала нашей второй натурой».

Любовь к родине — само по себе замечательное чувство, достойное всяческого уважения — не предполагает, однако, безоговорочного согласия с политикой правительства и даже с господствующим на данный момент политическим режимом в целом. А во Франции конца XIX века политические разногласия были очень хорошо заметны, они оказывали немалое влияние на формирование молодого поколения. Да и могло ли быть иначе, если оглянуться на недавнюю историю?

За сто лет, предшествовавших рождению нашего героя, Франции, как никакой другой стране, довелось пережить невероятную череду потрясений, взлетов и трагедий, затронувших так или иначе каждого француза и оставивших глубокий след в европейской и мировой истории. За это время страна пережила Великую революцию 1789 года, крушение тринадцативековой монархии, якобинскую диктатуру и правление Директории, Консульство, а затем Империю Наполеона Бонапарта с ее завоеваниями колоссального масштаба, поражение великого завоевателя и оккупацию Парижа русскими казаками, Реставрацию королевской власти Бурбонов, возвращение Наполеона к власти и его окончательный разгром при Ватерлоо, в результате чего на трон снова сели Бурбоны. Этим поистине эпохальным событиям сопутствовали, как водится, бесчисленные интриги и заговоры, покушения на жизнь видных представителей власти, локальные мятежи и бунты. Затем последовали Июльская революция 1830 года, конституционная монархия Луи-Филиппа, ее свержение в 1848 году в ходе новой революции и восстановление республиканского строя (Вторая республика), переворот, организованный четыре года спустя президентом Республики Луи-Наполеоном Бонапартом и установление Второй империи. Империя, просуществовав 18 лет, потерпела болезненное поражение от усилившейся Пруссии (которая завершала тогда объединение германских земель под своей эгидой). Оно повлекло за собой новый революционный всплеск, Парижскую Коммуну 1871 года, жестокую расправу над коммунарами и установление Третьей республики. Иными словами, за восемьдесят с небольшим лет (1789–1871), то есть за три-четыре поколения, Франция пережила такие потрясения своих государственных и общественных основ, каких многие другие страны не ведали и за двадцать поколений. Отголоски этих бурных событий докатились до начала XX века, а острые разногласия между яркими монархистами и горячими республиканцами утихли, по выражению одного историка, лишь в окопах Первой мировой войны. Добавим к сказанному, что и после установления Третьей республики пово-

дов к недовольству и политическим разногласиям во Франции хватало с избытком. Быстрое промышленное развитие порождало обычные противоречия: одни накапливали огромные состояния, другие — те, кто создавал эти богатства для них — жили на грани нищеты; тон в общественной морали стали задавать понятия и вкусы буржуазии, а это привело к заметному падению нравов; республиканская Франция не только сохранила, но и значительно увеличила

*Колонии Франции
в Африке.*

обширную колониальную империю, уступавшую только Британской. Последнее приносило огромные прибыли многим компаниям, но и требовало немалых расходов на ведение войн и поддержание французского господства за морем — а это ложилось нелегким бременем на бюджет государства, в конечном счете — на рядового налогоплательщика. В предвидении будущей большой войны за передел колоний Франция искала союзников, в числе которых оказалась не только Англия (старый недруг Франции, а теперь и ее главная колониальная соперница), но и Россия, против которой Франция не так давно сражалась в Крымской войне.

Да и борьба различных партий, вполне естественная в условиях демократии, порой приобретала в стране острые формы, вплоть до явного раскола общества по отдельным вопросам. Де Голль не зря писал впоследствии о том, что его детство было омрачено конфликтами, буквально раздиравшими французское общество. Достаточно было бы и того, что в 1894 году началось печально знаменитое «дело Дрейфуса», которое тянулось до середины 1906 года и вызвало глубокий и длительный раскол чуть ли не всей Франции на два непримиримых лагеря — дрейфусаров (тех, кто был убежден в невиновности А. Дрейфуса) и антидрейфусаров.

Капитан Альфред Дрейфус, единственный еврей во французском генштабе, был обвинен в шпионаже в пользу

*Капитан Альфред
Дрейфус в униформе.*

Германии и без достаточных оснований, под давлением военного министерства, разжалован и приговорен к пожизненной ссылке во Французскую Гвиану, на страшный Иль-дю-Дьябль (Чертов остров) — своеобразный эквивалент русской Сибири, только там заключенных убивал не холод, а влажная жара южноамериканских тропиков и болезни, безжалостно косившие европейцев. Многие видные представители общественности (первым и самым решительным из них оказался известный писатель Эмиль Золя) требовали пересмотра дела, поскольку слишком многие факты вызвали серьезные сомнения в виновности Дрейфуса. С другой стороны, немало французов, в первую очередь консервативные католические круги и генералитет, столь же решительно требовали оставить приговор в силе, а само дело больше не поднимать. Эти ожесточенные споры показали, какие глубокие корни пустил во Франции, особенно в ее офицерском корпусе, антисемитизм — а ведь эта страна считалась (и не без оснований) одним из оплотов цивилизации и демократии. Дело получило исключительно широкий отклик за рубежом (Европа вообще привыкла с большим вниманием следить за всем, что происходило во Франции). Оно не раз вызывало жаркие дебаты в палате депутатов, привело к отставке нескольких военных министров и как минимум к двум правительственным кризисам.

Кончилось все тем, что в 1906 году военный трибунал, в очередной раз рассматривавший дело, пришел к аргументированному выводу, который опирался на ставшие известными документы: генштаб и правительство умышленно организовали осуждение Дрейфуса, выгораживая истинного виновника (тот ко времени окончательного решения вопроса давно успел эмигрировать из Франции; оказавшись же в безопасности, охотно поведал журналистам, как все было